

Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»,
член правления Иркутского общества
«Родословие»,
г. Иркутск,
e-mail: talci@irk.ru

ЛЫХИНЫ НА РЕКЕ ИЛИМ

В ходе изучения своей родословной — ленского рода Лыхиных, меня долго мучила одна загадка. Рассматривая старые географические карты, кроме хорошо известной мне деревни Лыхинской на реке Лене в Киренском уезде Иркутской губернии, я с удивлением обнаружил еще одну деревню Лыхинскую — на реке Илим. Она располагалась на правом берегу Илима в месте впадения в него речки Большой Мячик в 176 верстах вверх по течению от «заштатного города Илимска».

Что это за деревня и как она связана с ленскими Лыхиными? Эти вопросы я долго не мог разрешить.

По материалам 5-й ревизии населения Российской империи, проводившейся в 1794–1795 гг., деревня Лыхинская находилась в Верхоилимской слободе «Киренской округи» Иркутского наместничества. Однако в 1795 г. Лыхины в Лыхинской не жили. По сохранившейся в ГАИО ревизской «скаске», в деревне значилось три хозяина: Осип Степанов сын Скуратов 62 лет, Егор Леонтьев сын Пушмин 54 лет и Иван Григорьев сын Барахтенков 38 лет. Они же значились «в подушном окладе» этой деревни во время предыдущей ревизии — 1782 г. [1].

В течение всего XIX в. деревня Лыхинская была небольшой и оставалась практически неизменной по количеству жителей. Так, в 1833 г. в ней было три двора, в которых числилось 13 мужчин и 16 женщин, а в 1910 г. она состояла из четырех хозяйств с числом душ «мужеска пола» — 17 и «женска» — 13 [2]. В середине XIX в., судя по церковным метрическим книгам, в ней продолжали жить Барахтенковы и Скуратовы. Просуществовала эта деревня, сохраняя название Лыхинской, но не имея жителей с такой фамилией, по 1960-е гг., когда по всей стране прокатилась кампания ликвидации «неперспективных» деревень.

И все-таки, благодаря в первую очередь двум документам XVII в., загадка была решена. Один из этих документов, предоставленный автору московским исследователем Георгием Борисовичем Красноштановым, был найден в РГАДА, в фонде Иркутской приказной избы. В нем сообщалось:

«Лета 7199 [1690 г.], декабря в 30 день.

По указу великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича Всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцев и

по памяти за рукою стольника и воеводы Леонтья Костянтиновича Кислянского иркуцкой казак Федька Челюскин ездил в Ылимской острог по полковым стрельцов

по Ивашка Кузнецова
по Ивашка Родионова
по Кирюшку Сизова
по Ивашка Подкаменново
по Андрюшку Леонтьева
по Серешку Подкаменново
по Петрушку Попова
по Сидорку Костянтинова
по Ивашка Бутакова
по Афоньку Фролова.

И Илимского острогу стольник и воевода Еремей Пятово на Илимс оставил:

Ивашка Кузнецова за оружейной поделкой.

Кирюшка Сизой оставлен в винном куренье у сыщика.

Иркуцкой казак Афонька Семенов Лыха, которой бежал из Ыркуцка в прошлых годех и ныне живет в Ылимском уезде в десятинной великих государей пашне (здесь и далее выделено мной. — Ю. Л.).

Петрушка Попов бежал.

Ивашко Бутаков, Афонька Фролов, Петрушка Симахин оставлены за немощью.

Ивашко Кузнецов, Ивашко Родионов, Ивашко Подкаменной, Сидорка Костянтинов будут в Ыркуцком.

В том и доезд подал.

Доезд писал по ево, Федькину, веленью Андрюшка Шарыпов» [3].

Другой документ с упоминанием имени Афоньки Семенова Лыха был приведен в 1895 г. в книге А.А. Ионина «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века». Автор книги, рассказывая о поиске стрельцов из Удинского острога (ныне г. Улан-Удэ), излагал его содержание:

«№ 15. Господину Еремею же Ларионовичу, о розыске в Илимске бежавших из Удинска стрельцов илимского прибору и **ссылного Офоньки Семенова Лыха**. В 1690 г. 26 июня илимский воевода писал в Иркутск Кислянскому, что окольников Ф.А. Головин писал ему о высылке отпущенных из Удинска в Илимск, за поруками, на урочные сроки для хлебных запасов, удинских стрельцов — С. Сенотрусова с товарищи — 25-ти человек. Между тем, в Илимске и в волостях Илимского уезда сыскано всего стрельцов только 21 человек. Из этого числа в Илимске оставлен стрелец Ивашко Кузнецов, для починки казенного ружья, потому что в Илимске один человек бронник — ево, Ивашков, отец, Ивашко ж Герасимов — «стар и увечен и кузнечной работы работат не может и не видит». Кроме того, еще один человек — Бориско Смагин, сыскан в «ус-киренском острожке» и за дальностию не выслан: послан за ним нарочный; да за болезнь оставлен еще Ивашко Родионов. «А как Бориско Смагин из Киренского острожку будет в присылке в Ылимской, а Ивашко Родионов оздоровеет, — высланы будут из Илимска без замолчания, Кирюшка же Сизов, по сказке стрельцов, проплыл в полку с окольниковым и воеводою Ф.А. Головиным». А какие стрельцы сысканы

в Илимске и высланы были в Иркутск с ирк. стрельцом Ф. Челюшиным — тому илимский воевода приложил роспись под сею отпискою. — Против всего вышеизложенного иркутский воевода (Л.К. Кислянский) отвечает, что во-1-х, вышеписанные стрельцы: Ив. Кузнецов, Бориско Смагин, Ивашко Родионов, Кирюшка Сизов в Иркутске и в Удинске не объявились; во-2-х, против росписи, какова прислана из Илимска, не явились в Иркутске удинские стрельцы: Ив. Подкаменной, Андр. Леонтьев, Сергушка Подкаменной и Петрушка Попов, а в доезде ирк. казака Ф. Челюшина написано, “что де те вышеписанные стрельцы оставлены в Илимске, по приказу воеводскому, для всяких поделок; а Кирюшка де Сизов живет в Илимском же, а сказывает, что он де служит в свое место в Удинску нанял, а по справке в Иркутске в приказной избе удинских стрельцов с именными книгами, каковы оставлены из полку окольничего и воеводы Ф.А. Головина, имя ево Кирюшкино написано, а в ево место в стрелецкую службу никто не отмечен”; в 3-х, в доезде того же казака [иркутского стрельца] Ф. Челюшина написано, что послан он был в Илимск, по указу в. Государей, “**для беглого, ссыльного Офоньки Сем. сына Лыхи, и того де он Офоньку нашел в Илимском уезде у пашенного крестьянина у Терешки Павлова, а тот де Терешка Офоньке тесть. И на заимке де у себя он, Терешка, с ссыльным, беглым человеком, с зятем своим с Афонькою Лыхою, да с пашенным крестьянином с Абакшею, ево, Федьку, били и увечили и отбили у него, Фетки, лошадь с седлом и с потники, топор, да шубу баранью**”. Наконец, в 4-х...» [4].

Как удалось после этого выяснить, Терешка Павлов сын вологжанин и его многочисленные сыновья, получившие фамилию Вологжаниновы, жили хлебопашеством на берегах Илима в «Верхней Илимской» волости Илимского уезда. Ставший зятем Терешки Павлова и поселившийся здесь же Афонька Семенов в крестьянских книгах 1690-х и 1700-х гг. записывался не по своему прозвищу, а по фамилии (возможно, дедичество) Сергиев. Лишь в 1715 г. в «пометном списке» (план сбора хлеба с пашенных крестьян) он был отмечен как Афанасий Лыха [5]. Все эти годы он пахал «на великого государя» четверть десятины ржи и столько же ярового.

Так, в 1699 г. в дозорной книге илимского воеводы Ф.Р. Качанова, в которой указывались все деревни и жители Верхоилимской слободы, была упомянута однодворная деревня Афоньки Сергиева:

«Вниз по Илимю от Дениска Тирсково дватцать пять верст до деревни. А в ней двор на правой стороне пашенного крестьянина Аввакумка Васильева (позже — д. Абакшинская. — Ю. Л.). Пашет полдесятины ржаные, ярового тож.

Межа той ево деревне снизу от того Половинного ручья вверх по Илимю по обе стороны Илима реки до Икторы речки.

Вниз по Илимю от Авакумовой деревни десять верст до деревни. А в ней двор на правой стороне пашенного крестьянина Офоньки Сергиева на правой стороне. Пашет четь десятины ржаные, ярового тож.

Межа той деревне от тово придаточного луга вверх по Илимю по обе стороны Илима реки до верхние межи по Половинной ручей и по Жигальное зимовье, которой ручей, вверх идучи, на правой стороне выше Большево Лиственишного пашенного лугу.

Вниз по Илимю от Офонькиной деревни Сергиева десять верст до деревни (Солодковской. — Ю. Л.). А в ней три двора пашенных крестьян:

Евсютки да Ортюшки Солотковых

Митьки Гаврилова з братьями на левой стороне.

Пашут десятину ржаную, ярового тож» [6].

В 1701 г. в окладной крестьянской книге по Верхоилимской слободе записано: «Афонька Семенов сын Сергиев за четверть десятины ржаные, ярового тож, оброку платит две четверти без полуосмины» [7].

То же было записано в окладной крестьянской книге по Верхоилимской слободе за 1706 г.: «Афонасей Семенов сын Сергеевых за четверть десятины ржаные, ярового тож, платит две чети бес полуосмины ржи» [8].

Последняя встреченная в архивных материалах запись об Афанасии Семенове Сергиеве, по прозвищу Лыха, относится к 1718 г. После этого его имя уже не встречается, потомства же после себя Афонька Семенов не оставил. В одном из документов он был отмечен как бездетный. Тем не менее дошедшей до наших дней памятью об Афоньке Лыхе стала основанная им и названная по его неофициальному, обиходному, имени деревня Лыхинская в Илимском воеводстве.

Таким образом, становится ясно, что с ленскими Лыхинскими Афонька Семенов Лыха никак не пересекался и к Кирилке Иванову Лыхе — моему предку, к тому времени уже обосновавшемуся на Лене, — отношения не имеет. Их роднит только общее прозвище — Лыха. Согласно «Словарю русских народных говоров» этим прозвищем обычно награждали «женщину, девушку большого роста», «ленивую женщину, девушку» («Такие лыхи сидят дома и не хотят работать») [9]. Но, как оказывается, называли так и мужчин.

Когда эта статья была уже написана, дали результаты дополнительные поиски, предпринятые в РГАДА Г.Б. Красноштановым. В фонде Иркутской приказной избы им было обнаружено еще несколько документов про Афоньку Семенова. Ни в одном из них по своему прозвищу, Лыха, он не упоминается, но сомнений в том, что это именно тот Афонька Семенов, у нас нет.

Первый документ, о поверстании Афоньки Семенова в казаки, замечателен тем, что из него становится известно, откуда в Иркутске и в Сибири вообще появился Афонька Семенов:

«Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцем бьют челом сироты ваши, промышленные люди Ивашко Васильев, Афонька Семенов. <...>

Пожалуйте нас, сирот своих, велите, государи, приверстать в Ыркуцкой острог в казачью службу.

192 [1684] году августа в 2 день великие государи пожаловали их, Ивашка с товарищем: велели при[вер]стать в казачью службу и допросить, где прежде сего жвали и ка[ко]ва чину.

Вместо Ивашка Васильева, Афоньки Семенова по их велению лалетин Андрюшка Яковлев Спицын руку приложил.

А челобитная в столп вклеить.

И того ж числа против сей челобитной промышленные люди Ивашко Васильев, Афонька Семенов допрашиваны, каково они чину и которого города урожением, и какова отца дети, и давно ли в Ыркуцком живут.

А в допросе Ивашко сказал: урожением он ни[же]городец, чину и отца посацкого сын. А в Ыркуцком он живет пятой год.

А Афонасей Семенов: урожением он Еренского городка, крестьянского отца сын. А в Ыркуцком он живет восьмой год.

К сей скаске вместо Ивашка Васильева, Афоньки Семенова по их веле-нию площадной подьячей Сенка Андреев руку приложил.

Се аз Иркутского острогу казаки

Иван Маркелов

Иван Федотов

Никита Ермолаев

Иван Карпов

Кондратей Черной

Сава Трубников

Онанья Нестеров

Исак Бурдуков

Корнило Иванов

Андрей Каргопол

Никита Кожевник

Вахрамий Докуча

поручилися есмы в Ыркуцком, в приказной избе по новоприборных ратных людях по Иване Васильеве сыне Оприткине да по Афонасье Семенове в том: взяв им великих государей денежное и хлебное жалованье, и ружье, итти им в даурские остроги, где им указано будет быть и служить всякие великих государей городовые отъезжие службы и караулы караулить и с неприятелем им битца, не щадя голов своих, и тою своею службою великим государем радеть и прямить по их, великих государей, крестному целованию.

И будучи им на их, великих государей, службе, никаким воровством не воровать и не пить, и не бражничать, и зернью и карты не играть.

А где им по указу великих государей укажут быть на их, великих [государей] службе с бояры и воеводы и с приказными людьми, и им, новоприборным казаком, будучи на их, великих государей, службе з бояры и воеводы и с приказными людьми, где им быть укажут служить до указу великих государей.

А без указу великих государей служб и ис полков, и с посылок не збегать, и бояр и воевод, и приказных людей на службе великих государей, и в полках и в посылках нигде не метать, и за тем государьской службы не остановить, и оружия не терять.

А буде они, новоприборные люди, за нашею порукою с нынешняго 192 году в даурских городех всяких городовых и отъезжих служб, и в полках, и во всяких посылках з бояры и воеводы, и с приказными людьми, где им быть укажут, служить не станут или службы великих государей до указу збегут, и в городе, и в полках, и в посылках бояр и воевод, и приказных людей покинут, и с неприятелем не учнут битца, щадя голов своих, и за тем государьскую службу остановят или оружие потеряют, или учнут за каким воровством ходит и пить, и бражничать, и зернью и карты играть, и тою великих государей службою радеть и прямить не учнут, и на нас, на порутчиках великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержцев пеня. А пени, что великие

государи укажут, и наши порутчиковы головы в их голов место, и за государевы утеряные пищали по указной цене на нас, порутчиках, взять деньги.

На то послух казак Алексей Никифоров Корытов.

Писал порушную запись площадного письма откупщик Сенка Андреев Каргопол 192 году августа в 12 день» [10].

«Еренский городок» — это старинный поморский город Яренск (ныне с. Яренск, центр Ленского района Архангельской области). Расположившийся вблизи впадения Яренги в Вычегду «Еренский городок» впервые был упомянут в Вычегодско-Вымской летописи в 1384 г. В 1708 г., когда Россия по указу Петра I была разделена на восемь губерний, Яренск первоначально вошел в состав Сибирской губернии, а затем был отнесен к Архангелогородской губернии. В 1780 г. по указу императрицы Екатерины II Яренск получил статус уездного города и стал центром обширного Яренского уезда Вологодской губернии.

По приведенным документам видно, что крестьянский сын Афонька Семенов был неграмотным, за него в этих двух и в последующих случаях «руку прикладывали» умеющие писать. В Иркутске он появился в 1676 г. Однако жизнь на вольных хлебах в Сибири легкой не показалась, и Афонька Семенов решил податься на государеву службу.

Положенное жалованье новоприборные казаки получили не сразу, в связи с чем ими была подана следующая челобитная:

«Царем, государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержцем бьют челом холопи ваши, Иркутского острогу новоприборные казаки

Ивашко Васильев

Офонка Семенов

Васка Иванов Каргопол

Мишка Леонтьев Уральской

Ивашко Иванов Сосеткин

Гришка Максимов вычегжанин

Гараска Иванов Сорокин

Петрушка Федоров Лязгиных.

В нынешнем, великие государи, в 192 году по вашему, великих государей, указу приверстаны мы, холопи ваши, по Иркутскому острогу в вашу, великих государей, в пешую казачью службу, а вашим, великих государей, денежным и соляным, и хлебным жалованьем не пожалованы <...>

Пожалуйте нас, холопей своих, своим великих государей денежным и соляным, и хлебным жалованьем впредь на 192 год.

192 году августа в 14 день великие государи пожаловали их, Ивашка Васильева с товарищи: велели свое, великих государей, жалованье выдать для иркуцких и тункинских служб денежное, соляное и хлебное на 193 [1684–1685] год с роспискою противу государевой грамоты и Енисейска до указу. А росписа[т]ца им велеть всяко[му] пот своим именем порознь.

Мишка Уральской руку приложил.

Гришка Максимов руку приложил.

К сей челобитной вместо Ивашка Васильева, Афоньки Семенова, Васки Иванова, Ивашки Иванова по их веленью площадной Ивашко Никифоров руку приложил.

Вместо Гаски Иванова, Петрушки Федорова по их велению албазинской казак Васка Семенов Шадрин руку приложил» [11].

Несмотря на то что поверстанных в службу казаков предполагалось отправить в даурские остроги, прошел год, а Афонька Семенов по-прежнему оставался в Иркутске:

«193 [1685] году июня в 12 день иркуцкие новоприборные казаки

Митька Барашков

Васка Бебиков

Якунька Галашев

Аниска лалетин

Мишка Федоров

Афонька Семенов

Гаранька Сорокин

Петрушка Лязгиных

Ивашко Васильев

Васка Каргопол

Гришка Максимов

Мишка Уральской

Ивашко Сосенкин

Ивашко Осипов

Корнилко Лаврентьев

Ивашко Нарымской

взяли заслуженное государево денежное жалованье ис казны великих государей на прошлой на 192 год с поверстки сполна ис приему у подьячего у Сидора Васильева.

Писал отпись по их велению площадной подьячей Сенка Андреев Каргопол» [12].

В 1686 г., через два года после поверстанья в казаки, Афоньку Семенова решили отправить на службу в Тункинский острог, о чем свидетельствует следующий документ:

«194 [1686] году августа в 30 день по указу великих государей память хлебного приему целовальнику Мирошке Федорову.

Выдать тебе великих государей хлебное жалованье вперед на 195 [1686–1687] год для тункинской годовой службы иркуцким казаком

Ивашку Васильеву

Петрушке Федорову

Ивашку Нарымскому

Фочке Часовщикову

Афоньке Семенову

Кондрашке Семенову

Ивашку Сосенкину

за овес вполы по две чети ячмени человеку.

Дача в расходные книги внесена» [13].

Однако по каким-то причинам казачья служба Афоньке Семенову не пришлась по душе, и он, нарушив крестное целование, со службы бежал, оказался на Илимке и занялся привычным крестьянским трудом. Дальнейшую его историю мы уже знаем.

Два века спустя после Афоньки Семенова Лыхин, в 1900-е гг., на Илимке

появился еще один Лыхин — на сей раз священнослужитель, и тоже прибывший издалека. Иоанн Петров Лыхин, о котором теперь пойдет речь, родился 30 января 1881 г. в селении Лыхинском Александровской волости Никольского уезда Вологодской губернии. А это примерно те же места недалеко от Устюга Великого, откуда в XVII в. отправился в Сибирь Кирилка Иванов Лыха!

Иоанн Лыхин родился в семье священника. В мае 1901 г. он окончил курс Юмской второклассной школы Котельничского уезда Вятской губернии и в начале сентября того же года был назначен помощником учителя Троицкой двухклассной церковно-приходской школы Котельничского уезда. Через год «по прошению» он был переведен на ту же должность в Даровскую ЦПШ, а еще через год назначен учителем Петропавловской церковно-приходской школы.

По прошествии четырех лет работы учителем Иоанн Лыхин покидает родные места и отправляется в дальние края. 1 сентября 1906 г. он был принят на службу в Иркутскую епархию и резолюцией архиепископа Иркутского и Верхотурского Тихона определен псаломщиком к Карапчанской Николаевской церкви Киренского уезда, находящейся на Ангаре чуть пониже устья Илимки. Одновременно «журнальным постановлением» Иркутского епархиального училища он назначен учителем Невонской одноклассной церковно-приходской школы.

16 июня 1907 г. «по выслушании псаломщических курсов и надлежащем испытании» Иоанн Лыхин был рукоположен в сан дьякона к Покровской церкви села Нижнеилимского, а еще через год, 5 сентября 1908 г., «по испытании особо экзаменационной комиссии при Иркутской духовной семинарии» Высокопреосвященнейшим Тихоном рукоположен в сан священника к Коченгской Алексеевской церкви. 17 января 1909 г. по прошению прихожан города Илимска Иоанн Лыхин назначен священником Илимской Спасской церкви, но 21 марта того же года указом Иркутской духовной консистории перемещен обратно к Коченгской Алексеевской церкви [14].

В приходе Коченгской церкви, в 29 верстах выше по течению Илимки, находилась и деревня Лыхинская, основанная Афонькой Лыхой. Надо думать, немало удивился отец Иоанн, услышав родное название в сибирской глуши. А места эти в начале XX в. действительно были глухие. Вот свидетельство очевидца, проехавшего по Илимке в конце декабря 1899 г.:

«Между Кочергою и Коченгою пять маленьких и очень бедненьких деревушек (в том числе и Лыхинская. — Ю. Л.), расположенных по обоим берегам реки Илимки; дорога вниз по реке идет заметно в уклон. Всюду бросается в глаза безхозяйственность; народ мал ростом, физически плохо развит, страдает безсилием, на лицах же вечно какое-то тупое равнодушие. Да оно и не удивительно, потому что мясо здесь для мужика составляет такую же роскошь, как для нас персики и бананы; главная пища его — чай, полусырой ржаной хлеб и картофель, изредка налим и щука, а с такой пищи силен и могуч не будешь.

Женщины по Илимке некрасивы, какие-то забитые; вызвать их на разговор потребуется не мало труда, а о признаках на духовное развитие не может быть и речи; они представляют собою — по выражению Наполеона — «только машины для производства потомства»...

На падение девушки, как здесь, так равно и на Ангаре, смотрят равнодушно, и встретить целомудренную девушку в 16 лет — редкость; половая жизнь начинается часто с 14–15 лет, благодаря близкому общению полов, например, дома повальное спанье в одной комнате. Громадное влияние на это имеют вечерки, где для молодежи представляется обширное поле разврата. <...>

Спустившись девяносто семь верст вниз по реке, имеющей массу пропарин, из которых выскакивают на лед водяные воробьи подышать чистым воздухом, я добрался до Коченги, имеющей сорок шесть дворов, маленькую ветхую церковь, волостное правление, церковноприходскую школу, две торговые лавки и главную принадлежность каждого порядочного села — кабак — только не общественный, а местного кулака чуть не с водкой вместо водки, по 70 коп. за бутылку» [15].

В описании более ранней пастырской поездки по Илимю киренского епископа Макария об этих местах говорилось в том же духе:

«...Едва ли есть где-нибудь в обширной Российской империи уголок более глухой. Народ здесь <...> совершенные дикари. Первое, что здесь бросается в глаза, — это говор. Человеку, не бывалому в тех местах, трудно даже понять с первого раза их разговор, до того исказили они обыкновенный русский язык. Так, напр., вместо буквы «с» здесь все употребляют в словах букву «ш», вместо «з» — «ж» и наоборот. Эта перемена букв, особенно при их странном произношении сильно поражает слух <...>

Что касается нравственного и умственного развития, то оно стоит очень и очень низко, да и удивительного в этом ничего нет. Заброшенные в самую глушь Сибири, они, что называется, не видят Божьего света, или как [они] говорят <...> «Божьего швета». Здесь никогда никто даже не проезжал из высшего начальства, и проезд преосвященного Макария был в этих местах первый. Неудивительно поэтому, что на владыку смотрели как на неземное существо <...>

Далее, что здесь обращает на себя внимание, — это бедность жителей, бедность непроглядная, безысходная <...> Причиной этого, во-первых, суровость климата, а потому неурожаи хлеба, хотя хлебопашеством здесь и занимаются очень мало, а больше всего занимаются охотой за пушниной, да и той в последние годы стало очень мало, а между тем промысл за пушниной составляет главное богатство жителей.

Затем, всеобщее русское зло как везде, так и здесь тоже не малая причина бедности, — это пьянство. Правда, кабаков здесь почти нет, зато корчемство процветает во всей своей силе и на полной свободе. Почти в каждом доме можно найти водку, водку отвратительную, которая более похожа на отраву, чем на водку, и вот такую водку продают по выгодной цене.

Благодаря всему этому нищета царит здесь во всей своей неприглядной красоте...» [16].

Село Коченгское, в котором появился отец Иоанн Лыхин, располагалось в 147 верстах от города Илимска на левом берегу Илимья в месте впадения в него Коченги. В 1912 г. в нем было 53 двора и 328 жителей. Церковь здесь была построена «тщанием прихожан и доброхотных дателей» в 1862 г. и освящена во имя святого Алексия, человека Божия. По штату ей полагались один священник и один псаломщик. В приходе церкви было

всего восемь населенных пунктов — село Коченгское, деревни Наумовская (в 22 верстах от церкви вниз по Илимю), Солодковская (в 13 верстах вверх по течению той же реки), Лыхинская (в 29 верстах), Абакшинская (в 44), Чуриловская (в 76), Тунская (в 83) и село Кочергинское (в 96 верстах). В 1912 г. в Коченгском приходе значилось 203 двора с живущими в них 608 мужчинами и 586 женщинами [17].

В течение четырех лет отец Иоанн был священником Коченгского прихода. Сюда он приехал уже вместе с женой Александрой Евгеньевной (1889 г. р.) и двумя детьми — Вениамином, родившимся в 1905 г., и Николаем, появившимся на свет в 1906 г. На Илимье в семье молодого священника родились еще двое ребятишек — Иннокентий, в 1910 г., и Нина, в 1911 г. Отец Иоанн вел обычную жизнь сельского пастыря — исполнял необходимые духовные требы, зимой и летом ездил по приходу, заботился о церкви и о собственном хозяйстве...

Алексеевский храм в с. Коченгском. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

В Коченгском, однако, отец Иоанн надолго не задержался. В феврале 1913 г. последовало распоряжение епархиального начальства о перемещении священника Иоанна, и в марте 1913 г. семья Лыхиных покинула Илим. Новым местом службы отца Иоанна стала Распутинская Свято-Троицкая церковь на Ангаре в Балаганском уезде.

С установлением советской власти в Восточной Сибири и начавшимися гонениями на церковь и ее служителей пострадал и отец Иоанн. Он вынужден был оставить духовную службу, при этом как бывшего священника его лишили гражданских прав. Чтобы выжить в этих условиях с семьей и многочисленными детьми, пришлось заниматься работой по найму в качестве плотника. В 1922 г. по подозрению в «связи с бандитами» Иван Петрович был подвергнут суду, но оправдан ревтрибуналом. Летом 1930 г. И.П. Лыхин, проживавший и работавший в то время учителем на участке Сергиной Владимирского сельсовета Тулунского района, вновь был арестован, на сей раз по обвинению в том, что состоял в контрреволюционной повстанческой организации. 25 декабря 1930 г. заседание особой «тройки» при ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю постановило: «Гр-на Лыхина Ивана Петровича, 49 лет — заключить в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая с 15/VI-30 года» [18]. В 1937 г., находясь в заключении, Иван Петрович Лыхин умер.

Пребывание отца Иоанна Лыхина на Илимье было недолгим, но еще более непродолжительным стало посещение этих мест третьим Лыхиным — исследователем, автором сей статьи.

В июне 2011 г. мне вместе с сыном, Никитой Виноградским, и товари-

щем, редактором сайта «Прибайкалье» Дмитрием Ступиным, выдалась возможность совершить сплав по верхнему течению Илима на резиновых лодках. Это короткое, недельное, плавание позволило воочию увидеть, что такое Илим, и представить картину сегодняшней жизни в тех местах.

Верхнее течение Илима со времен казаков-первопроходцев Восточной Сибири сообщалось с Ангарой сухопутным волоком длиной около 30 верст через разделявший эти водные пути хребет. На одном конце волока распо-

Храм в с. Кочергинском. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

лагалась ангарская деревня Подволочная, на другом — деревня, а с конца XIX в. илимское село Кочергинское. В 1910-е гг. эта волоковая дорога представляла собой «узкую тропу, удобную для верховой езды и едва сносную для езды тележной» [19]. «Часто случается, — писал один из проезжавших по волоку путников, — что на этом переезде десятки лесных гигантов, пора-

женных насмерть бурей, беспомощно лежат поперек дороги, преграждая путь едущим, объезды же невозможны, потому что дорога идет по глухой тайге» [20]. Ввиду таких случаев наиболее важные персоны, отправлявшиеся по волоку, сопровождались несколькими крестьянами с пилами и топорами для расчистки дороги.

Для путников XXI в. все оказалось гораздо проще. Не успели мы выйти на берег из «Метеора», стремительно доставившего нас из Иркутска в Подволочное, как рядом остановился УАЗик, и всего через два часа мы оказались на Илиме, без особого труда преодолев 30 километров разбитой лесной дороги. Передвигаясь пешком со всем своим снаряжением, лодками и продуктами, мы потратили бы на эту дорогу не менее двух дней. В результате такого броска испытали ощущение невероятного: еще утром мы были в шумном и душном городе, а вечером оказались среди чистой, прохладной, девственной илимской природы.

За сто лет до нас, в июне 1913 г., в ходе своей поездки по Киренскому уезду Иркутской губернии по Илиму проплыл иркутский викарный епископ Евгений Зернов. Мы своей маленькой флотилией из двух резиновых лодок повторяем часть его пути. Взяв в руки описание поездки епископа, сравним его с тем, что видим сами.

«В 8 часов вечера мы делали последний спуск с крутого хребта. 28 верст ехали 6 часов... Владыка чувствовал себя разбитым и утомленным, болела голова от непривычного и трудного пути... Вот начались крестьянские пашни. За ними где-то далеко внизу виднелось заброшенное среди дебрей Илимских село Кочергинское. После 6-часового путешествия по глухой тайге нам оно показалось каким-то особенно приветливым... Слышался ра-

достный приветственный звон, будивший тишину деревенского вечера, несшийся навстречу усталым путникам и затем терявшийся где-то там, далеко, далеко среди величественной сибирской тайги... Но вот и спуск к речке... — через нее надо переехать вброд, чтобы попасть в Кочергинское. Чувствовалось свежо. Около дороги мужички разложили костер и грелись в ожидании прибытия Владыки. С затаенным нетерпением смотрели они на опушку леса, откуда должна была показаться кавалькада в 15–20 лошадей. Вы-

Церковно-приходская школа в с. Кочергинском. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

строившись рядами, чтобы всем видеть высокого гостя, они благоговейно обнажили свои головы, как только показалась из леса давножданная тележка, а когда Владыка подъезжал к ним, они, как один, опустились на колени и стояли так, пока он не миновал их. <...> Кочергинское — в 30–35 дворов, первый жилой пункт по р. Илиму, первое село Киренского уезда на нашем пути. Жители наполовину зем-

лепашцы, наполовину звероловы. В селе есть небольшой молитвенный дом в честь святых апостолов Петра и Павла, приписной к приходскому Коченгскому храму. При входе Владыки в храм местный благочинный о. Беляевский встретил его приветственной речью, в которой, выяснив всю трудность путешествия по захолустному Илимскому краю, выразил радость от лица духовенства и населения, наконец дождавшегося посещения Архипастырского. В переполненном народом храме Владыка отслужил молебен свв. апостолам Петру и Павлу <...> Молящихся было до 220 человек. Благословив народ, Владыка проследовал в местную церковно-приходскую школу, где спрашивал учеников по Закону Божию, русскому языку и арифметике. Ребятки робели, ответы были не всегда удачны, но в общем удовлетворительны. Учительницей состоит Надежда Слободчикова, окончившая курс Малышевской второклассной школы. Учащихся — 9 мальчиков и 3 девочки. Здание школы построено в 1903 г. на средства попечителя — крестьянина Кочергинского села Николая Александр[овича] Облизанова; для этого заброшенного села можно признать его весьма благоустроенным. Испытанием учеников в школе и закончился вечер 3-го числа» [21].

Сегодня от села Кочергинского, а в советское время — деревни Кочерги осталось лишь несколько домов. Жившие в них сто лет назад люди, надо думать, тоже встречали владыку Евгения. На месте Кочергинской Петропавловской церкви казаками из Братска недавно установлен крест с надписью: «На сем месте бысть церковь Божия во имя святых апостолов Петра и Павла».

Жизнь человеческая в селе Кочергинском угасла. Сегодня сюда, в наи-

более доступное из всех бывших населенных пунктов в верхнем течении Илима место приезжают только рыбаки. Они и продолжают использовать остатки жилья и старые, но крепкие деревенские амбары.

Илим здесь совсем неширок и мелок. Речные берега густо заросли высокими стройными елями, соснами и лиственницами. Глухая тайга, медвежий угол, в котором некогда жили илимские жители.

Кочерга сегодня. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Старый дом в Кочерге. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Мы располагаемся на ночлег у закрытого на замок рыбацкого зимовья. Из небольшого костерка поднимается дымок, расстилающийся над водой. Рядом журчит впадающая в Илим речка Кочерга. Вокруг на все голоса поют птицы, издали доносится голос кукушки...

Но возвратимся к описанию поездки епископа Евгения:

«На другой день <...> в 9 час., в сопровождении благочинного и пристава П.К. Гросса, отправились дальше вниз по р. Илиму. Пристав оказался очень предупредительным, как власть, и очень прекрасным, как человек. Для Владыки была доставлена небольшая крытая лодка, мелкосидящая, а братия отправилась на берестянках, в каж-

дой по одному пассажиру; отдельно везли на берестянках багаж. Целая флотилия... Илим, можно с уверенностью сказать, еще не видывал такого зрелища... Передвигались с быстротою по 8 верст в час. Лодка то и дело ударялась о камни, так как глубины здесь всего около полуаршинки. Речушка — шириной 4–5 саж., протекает между гор; по берегам дикий лес, преимущественно, ель; сразу от берега начинается непролазная густая чаща леса, так что медведи нередко выходят к самому берегу реки <...>

В 13 верстах ниже Кочергинского жалко прижалась на правом берегу деревушка Туна, в 15 дворов. Владыка пожелал осмотреть ветхую часовню и помолиться с населением пророку Илии, в честь которого построена часовня. По маршруту остановки в Туне не предполагалось, поэтому лодка с облачени-

ями для священников проплыла мимо. Владыка, облачившись в мантию, один отслужил молебен св. пророку и обратился к народу с поучением, призывая его подражать ревности пророка Илии в устройении христианской жизни и достижении спасения; затем указал на необходимость замены ветхой часовни — новою, и для начала дела дал свою посильную лепту. Молящихся собралось около 160 человек.

После молебна Владыка, интересуясь бытом населения этого захолустья, зашел в одну деревенскую избу, побывал в “кути”, осмотрел божницу крестьянской избы, внутреннее убранство избы и т. д. Замечательно, что ни хозяин, ни хозяйка не решились зайти в свою избу, когда в ней был Владыка, они с каким-то затаенным страхом смотрели на высокого гостя с улицы... Когда Владыка шел по улице, вся деревня, от старого до малого, становилась на колени. Я думаю, что ими руководило необъяснимое для них чувство страха при виде высокого посетителя... Когда Владыка обратился к женщинам и спросил — чем они занимаются в свободное от работы время, — они оробели и... молчали. Ведь и немудрено: эти заброшенные, видя редко людей, трясутся, когда к ним прибудет “г. урядник” или старшина, вообще какая-либо власть, — что же они должны были переживать, когда видели пред собою такого необычного для них посетителя, как Епископ?!» [22].

Плыдем по Илиму и мы. Погода стоит прекрасная, мошка — истинный бич здешних мест — еще не появилась, и нам ничто не мешает получать полное удовольствие от неспешного передвижения по реке, от рыбалки и от красот окружающей природы. Из души так и рвется: «Хорошо!»

На ночевку остановились в устье реки Туны. Никакой деревни здесь давно нет. Старое рыбацкое зимовье совсем прохудилось, и рядом кто-то строит новое пристанище.

Прошлись от зимовий к месту впадения в Илим Туны. Воды в Илиме

Устье речки Кочерги. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Зимовья в Туне. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

после этого притока заметно прибавилось. Берег же, по которому тянулась когда-то деревня, зарос густой травой, хотя и свободен от деревьев. Дома исчезли, а лес еще не вступил в свои права.

И снова читаем строки столетней давности:

«Когда отправлялись от Туны, небо начало подергиваться грозовыми тучами, и версты три ниже раздался над головой оглушительный удар

Место слияния Туны (слева) с Илимом. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

грома, а несколько спустя пошел очень крупный град, величиной с большую горошину, затем полил дождь настолько сильный, что промочил насквозь крышу лодки, ящики промокли до последней нитки. Через 6 верст — деревушка Чурилова, в 8 дворов. Более убогой деревнюшки я не знал и не знаю. Бедность настолько здесь сильна, что проезжающий не имеет возможности найти хотя сносную квартиру, чтобы остановиться для отдыха; ночевать проезжие остаются только в самом крайнем случае, когда застигнет или дождь, или темная ночь. Мне в бытность благочинным приходилось не раз останавливаться в Чуриловой на ночевку; я избирал самый чистый амбар и располагался в сообществе крыс и мышей, предпочитая избе, где кишмя кишат блохи, клопы, тараканы и проч. Бывая здесь, я всякий раз поражался невежеством и особенно неряшеством: от непривития оспы, от кори, scarлатины, грязи — население вымирает, особенно новорожденные; окрестное население избегает выдавать в Чурилову своих дочерей замуж, боясь нищеты и болезненного состояния деревни (среди большинства развиты венерические болезни). Врач здесь почти совсем не бывает; изредка посетит фельдшер, даст лекарства и едет дальше, а население в способах употребления лекарств настолько сведуще, что нередко смешивает соду со стрихнином, пьет от всяких недугов порошки из толченого сахара, что в старое былое время давались фельдшерами, за неимением медикаментов, и проч. <...>

В 10 час. вечера приплыли в д. Абакшину, разбросанную по обоим сторонам Илима, в 20 дворов. Здесь для Владыки была приготовлена более удобная лодка, уступленная “царем” Илима купцом Я.А. Черных; в ней можно было спать, пить чай, писать, свободно сидеть, но ходить согнувшись, вследствие низкой крыши. Лодка длиною аршин двенадцать, на ней устроен деревянный из досок коробок, разделенный на два-три помещения, по сторонам устроены небольшие оконца, дающие свет, но не воздух: открыть окно нельзя: сейчас же пожалуют “педуны” (комары) и “мошкара”, как называют на Илимке мошку, а эти гости поистине — бич для всякого посетителя

Илима; от них спасение или в сетке, или в дымокуре (конский навоз на углях); предпочтешь лучше дышать дымом скотского навоза, чем свежим воздухом, насыщенным мириадами насекомых, которые бесцеремонно наполняют рот, уши, нос, глаза... Абакшино лучше Чуриловой. Избы поопрятнее, мужички зажиточнее и приветливее. К встрече Владыки они особенно прибрались и принарядились. Пестрая толпа народа была на той и другой стороне Илима. Когда мы пристали к левому берегу, все с противоположной стороны бросились в берестянки и стремительно перебрасывались к нам, чтобы не меньше других видеть дорогого и высокого гостя, слышать, о чем он будет говорить, каков он и т. д. В ожидании небылого посетителя население, видимо, испытывало некоторый страх: мужички стояли на берегу и боялись подойти ближе к лодке. Казалось: выйди Владыка и повелительно крикни на них, они моментально обратились бы в бегство... настолько они запуганы всяким “начальством”... Волостной старшина, сопровождавший нас, передает просьбу абакшинцев, что они желали бы отслужить молебен на своих нивах, расположенных тотчас за избами. Был одиннадцатый час ночи. Густые тучи закрыли небо, собирался дождик. Но Владыка охотно исполнил желание этих детей природы. И какая торжественная минута была в жизни абакшинцев! Вынесенные из домов иконы (часовни нет) представляли полукруглый иконостас; перед ними на столе пылала не одна сотня восковых свеч; дикая природа... полночный час... вдруг полились могучие звуки церковных молитвословий, и они неслись далеко, оглашая тайгу и подымаясь высоко к небу... Пели мы все: это усугубляло впечатление. Народ в немом безмолвии замер от невиданного зрелища. А Архипастырь вознес свою тихую и горячую молитву туда — к Престолу Всевышнего, о мире, благе и счастье вечном этих заброшенных среди дикой чащи чад Христовой Церкви и во многом не ведающих Бога истинного и Творца всяческих... картина величественная и глубоко умирительная. Она не забудется из рода в род в насельниках Абакшиной. И дай, Господи! Это здесь так необходимо» [23].

Верховья р. Илим. Крытые лодки, в которых совершались поездки по Илимке и Ангаре. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

На следующее утро и мы отплываем от Туны. Недалеко от нас в хребтах горит тайга, небо затянуто сизым дымом. На небольших шиверах вода убыстряет свой бег. Никаких серьезных порогов на Илимке нет, и плыть по нему совершенно безопасно.

Впереди, слева, плешинкой в подступившем к берегам лесу, показалось место деревни Чуриловой. Теперь тут никаких признаков человеческого

Перед Чуриловой. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Абакшина. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

иногда украшенные яркими полянками цветущих жарков.

К вечеру мы добрались до ручья Лыхина, впадающего в Илим за несколько километров до Абакшиной. Высаживаемся на берег. Ручей настолько мал, что его и не заметишь, если не ждешь. Негромко журчащий ручеек можно перешагнуть даже ребенку. По этому ручью, видимо, были когда-то охотничьи угодья Афоньки Лыхи. Его прозвище и закрепилось в названии ручья.

Осмотрев устьевой участок ручья Лыхина, останавливаемся недалеко от него на ночевку. На ровном травяном мысочке с вплотную подступившим к берегу дремучим лесом раскинулись наши палатки.

Ранним утром отправляемся дальше. Короткая остановка в Абакшиной. На месте бывлой деревни в устье Чоры стоит лишь один домик, изда- лека сияющий новой кровлей. Хозяина дома не оказалось, хотя во всем было заметно его недавнее присутствие. Уличный очаг обустроен каменной стенкой, защищающей огонь от ветра. Рядом свеженаколотые полешки, уложенные в клетки, чтобы быстрее высохли. От дома к баньке и далее, к Илим, ведет натоптанная тропинка.

присутствия. Останавли- ваться на «пепелище» не хочется, и мы движемся дальше.

Меняющиеся с каж- дым поворотом реки пей- зажи радуют душу. Вер- тикали взметнувшихся в небо елей напоминают северно-русскую приро- ду, откуда, по большей части, и пришли первые насельники илимского края. В XVII в. реки были естественными доро- гами, по которым наши предки преодолевали огромные расстояния «за Камнем» — за Уралом. Мы в какой-то мере по- вторяем их путь.

Илим для нас — единственная дорога в этом путешествии. А по- скольку на резиновых лодках вверх по течению не поплывешь, то дорога еще и односторонняя. В обе же стороны от реки — сплошные непроходи- мые буреломы тайги,

Быстро осмотрев незамысловатое хозяй- ство абакшинского жите- ля, мы, не задерживаясь, отправляемся дальше, к деревне Лыхиной, нахо- дившейся от Абакшиной в 15 верстах. О Лыхиной и ее жителях в описании поездки преосвященно- го епископа Евгения, к сожалению, ничего не го- ворится. Лодка владыки миновала эту деревню ночью. Для нас же Лыхи- на представляла особый интерес. Ради нее, соб- ственно, и был затеян этот илимский маршрут.

15 верст, или 15 ки- лометров, — это три часа неспешного передвиже- ния. Течение реки спо- койно влечет наши лодки, навевая легкую дрему... Наконец впереди пока- залось место, где когда- то стояла деревня. На другой стороне Илима у кромки густого леса за-мечаем зимовье. Хозяин занят загрузкой лодки,

явно собираясь в поездку. Мы не стали его отвлекать. А вот и место впа- дения в Илим речки Большой Мячик — типичного горно-таежного водотока. В самом устье Большой Мячик сворачивается в крутую петлю, а затем, рас- прямившись, умиротворенно вливается в Илим.

Лыхина располагалась на возвышенном участке в устье этой речки на правом берегу Илима. Ныне берег обезлюдел. На месте деревни еще замет- ны ямы от домов. Как памятники другой жизни, из земли торчат покосивши- еся столбы заплотов.

По сведениям иркутского этнографа Г.А. Леонова, совершившего в конце 1920-х — начале 1930-х гг. несколько экспедиций на Илим, в 1890 г. вся деревня Лыхина сгорела, после чего заново отстраивалась. В 1927 г. в ней насчитывалось шесть дворов [24].

Место расположения Лыхиной показалось нам весьма приятным для жизни. Но это сегодня, а как жилось здесь в XVII в.?.

У самой воды на берегу Илима разводим костерок и готовим нехитрый походный обед...

Баня в Абакшиной. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

На Илеме между Абакшиной и Лыхиной. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

В устье Большого Мячика. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Деревня Лыхина. Фото Г. Леонова, 1930 г.

всколыхнувший жизнь коченгцев, коснулся и жизни ссыльных; они интересовались — каков архиерей, о чем он поучает народ; некоторые из них пришли даже на молебен в храм...

Село Коченгское расположено на левом берегу р. Илима при слиянии двух рек — Коченги и Илима; в нем 53 двора. Приходский храм вне села, в поле, посвящен имени св. Алексия, человека Божия, существует с 1862 года, имея при себе 1 210 душ прихожан обоего пола. Храм достаточно прочен и всем нужным снабжен, обнесен хорошей деревянной оградой. По штату положен священник и псаломщик. Священник Мичурин только что приехал, будучи переведен из Шамановой. Бывший священник о. Лыхин выехал из Коченги 20 марта, значит, приход стоял свободным 2½ месяца, заведовал им илимский священник о. Н. Савватеев. О. Мичурин с образованием 3 кл. духовного училища, в сане священника служит 18 лет. Должность псаломщика относит Василий Плетенев, обучавшийся в Киренской второклассной школе, 19 лет. Просил Владыку о рукоположении его в сан диакона; получил

После недолгого отдыха собираемся в путь. Однако прежде снова предоставляем слово автору описания поездки епископа Евгения:

«В ночь отправились далее. Илим капризно плещется между двумя хребтами, иногда очень значительной высоты. Местами и весьма часто попадают шиверы (вода падает чрез камни); при оплошности кормовщика лодка наша нередко ударялась о камни; сон был поэтому не особенно крепкий, а с прибытием в приходское село Коченгское с раннего утра начался торжественный звон и пестрая толпа коченгцев нетерпеливо ожидала на берегу выхода высокого гостя. В толпе, прячась за других, выглядывали политические: показать, что и они интересуются приездом архиерея, им не хотелось, а с другой стороны, этот приезд,

отказ, за малолетством и неподготовленностью.

В 8 час. утра Владыка вышел из лодки. По пути к храму он выслушал краткий доклад о благочинном о состоянии прихода; многочисленная толпа в глубоком молчании сопровождала нас. В храме Владыка отслужил молебен св. Алексию, человеку Божию и св. Иннокентию Иркутскому с акафистом. Народу собралось более 300 человек. Так как Коченгский приход в значительной степени подвержен пороку пьянства, то Владыка признал нужным предложить народу назидание о вреде и пагубности пьянства. Прекрасное слово его было выслушано при гробовой тишине и, несомненно, запало глубоко в сердца слушателей... Храм и все церковные документы найдены в порядке, деньги и свечи в целости. Из храма

Владыка проследовал в местную церковно-приходскую школу, где произвел экзамен выпускным ученикам по всем предметам курса, сделавши отметку в визитационной книге, что познания учащихся вполне удовлетворительны. В школе всего обучается 15 мальчиков и 8 девочек. Учащим состоит дочь крестьянина, девица Ксения Попова с 11 февраля 1913 года, с образованием Малышевской второклассной учительской школы. Имущество школы в порядке. Преподавши благословение ученикам и раздавши привезенные гостинцы — пряники и конфеты, Владыка посетил местного благотворителя школьного и церковного К.И. Щегорина, священника о. Мичурина и псаломщика Плетенева. Коченгское было настроено по-праздничному. Мужики и бабы, разодетые, сидели около домов и тотчас вставали, как Владыка показывался на улице. В 2 часа дня отправились дальше. Плыть теперь было безопасно, р. Коченга углубила воды Илима вдвое, шиверы встречались редко, да если и попадались, то камни

На месте д. Лыхинной. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Церковно-приходская школа в с. Коченгском. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

Зимовье в Солодковой. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Место д. Солодковой. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

были на значительной глубине, не представляя опасностей для нашей флотилии. Отсюда мы отправились на четырех крытых лодках: в одной плыл Владыка с сопровождавшим его священником, в другой — свита, в третьей — становой пристав и в четвертой — благочинный» [25].

Расстояние от Лыхиной до следующего по Илим населенного пункта, деревни Солодковой, составляло 16 верст. Через три с половиной часа по тихой, спокойной воде мы добрались до места, где некогда стояла деревня. На невысоком речном берегу — пусто, никаких признаков былого жилья. Зато на противоположной стороне на заросшем вековыми елями косогоре замечаем зимовье. Сюда и причаливаем.

Рядом с зимовьем находится еще одна небольшая постройка. Место

для очага здесь устроено под навесом из досок и огорожено от ветра жердевым заплотом. Так ни дождь, ни ветер не мешают приготовить еду и вскипятить чайник. Разжигаем огонь и мы, и вскоре садимся ужинать за стол, сколоченный под раскидистой елью, в ветвях которой перелетают и свистят чечевичи.

Вечер наступил быстро, в водах Илима заплескалось закатное солнце. Живописное зарево густо окрасило небо и воду. Солнце скрылось за таежным горизонтом, а облака высоко над землей продолжают полыхать в его отсветах...

Ночью по поляне возле стоящего невдалеке амбара бродил медведь. Выходив на улицу, мы едва не столкнулись с ним.

Утром не спеша собираемся и отчаливаем. В солнечных лучах каменистое дно Илима просматривается как на ладони. Можно плыть и, как в аквариуме, наблюдать жизнь под водой. Вода в Илимке чиста, и, в отличие от европейских рек, ее спокойно можно зачерпывать в котелок. При отсут-

ствии человека чиста и природа вокруг.

По всему Илимку нас сопровождают кулички-перевозчики. Время от времени они стремительно проносятся над самой поверхностью реки перед нашими лодками, издавая звонкие односложные трели.

День прекрасен, река тиха и умиротворенна. Плыть одно удовольствие...

К обеду добрались до Коченги — когда-то большого волостного села. Место тут привольное. С правой стороны в Илим впадает река Коченга, а с левой, на высоком яру, располагалось само село.

Коченга осталась жилой дольше всех остальных верхнеилимских селений. В советское время здесь долго существовала метеостанция, с 1972 г. работал госпромхоз. Но сегодня постоянно тут живет

только один человек — Иван Воронцов, 1953 года рождения. Он родился в Абакшиной, его отец родом из Чуриловой, а мать (урожденная Скуратова) из деревни Лыхиной. Иван разговорчив, утверждает, что серьезно занимается астрологией. У него всклокоченные сизые волосы и недоверчивые медвежьи глазки под густыми бровями. «Я здесь 20 лет скрываюсь... от цивилизации». Работал он на метеостанции, после чего в его трудовой книжке появилась запись: «Уволен за браконьерство». В результате случившегося в 1990-е гг. большого пожара половина Коченги сгорела, в том числе и дом Ивана. Теперь он живет в небольшой бане, словно медведь в берлоге. По берегу над рекой в мужицком беспорядке разбросаны бочки, старые лодки, дрова... Тут же устроена громоздкая металлическая конструкция — коптильня, в которой Иван коптит и рыбу, и мясо. В этом деле он, несомненно, мастер. Щука, которой мы угощались, была очень вкусна...

Уцелевшая от пожара половина Коченги расположена дальше, за крутым поворотом Илима. Туда мы и направились вместе с Иваном. Присевшая

Коченга. Жилище Воронцова. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Иван Воронцов. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

В Коченге. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Плавание по илимским шиверам. Фото Н. Пономарёва, 1913 г.

рекою, разбросалась деревушка Наумовская — в 36 дворов. К реке спуск почти обрывом. Красиво по всему обрыву пестрела толпа наумовцев, давно ждавших нашу флотилию; на самом берегу около воды суетились ямщики, с мешочками в руках, одетые по-дорожному, они ждали сменить коченгских ямщиков, чтобы плыть далее. В Наумовском нет ни молитвенного дома, ни часовни; остановка предполагалась только для смены ямщиков. Владыка, видя, однако, собравшийся народ, решил немного задержаться; вышел на берег и благословил ямщиков, за которыми потом нерешительно, как-то боясь, медленно стали спускаться с горы и подходить под благословение остальные. Многие от страха крестились и терялись, не зная, как сложить для принятия благословения руки, обыкновенно складывали на грудь, как будто стыдясь показать свои мозолистые ладони... Всем были розданы крестики и иконки Святителя Иннокентия с его житием и преподано Владыкой краткое наставление о воздержании от порока пьянства и хранении между собою мира. Школы в Наумовой, за бедностью населения, нет; в ближайшей Коченгской школе учить детей, с платою за квартиру и содержание, не под силу. Дети остаются в большинстве неграмотными. Желая, однако,

на конек старого дома трясогузка черными бусинками глаз осторожно наблюдает за нашей прогулкой по деревне. Несколько построек здесь летом обитаемы. Окна одного из домов окрашены свежей синей краской, в небо направлены две спутниковые антенны. Возле ворот другого дома сложена поленница из впрок заготовленных лиственничных дров. Рядом на столбе висит старый будильник, словно символ ускользнувшего времени для доживающей свой век деревни.

Последний взгляд на то, что осталось от Коченги... Погода портится, и на душе становится под стать — печально. Сто лет назад, в царское время, жизнь в этих местах была оживленнее:

«В 22 верстах ниже Коченгского, на левом берегу Илима, высоко над рекою, разбросалась деревушка Наумовская — в 36 дворов. К реке спуск почти обрывом. Красиво по всему обрыву пестрела толпа наумовцев, давно ждавших нашу флотилию; на самом берегу около воды суетились ямщики, с мешочками в руках, одетые по-дорожному, они ждали сменить коченгских ямщиков, чтобы плыть далее. В Наумовском нет ни молитвенного дома, ни часовни; остановка предполагалась только для смены ямщиков. Владыка, видя, однако, собравшийся народ, решил немного задержаться; вышел на берег и благословил ямщиков, за которыми потом нерешительно, как-то боясь, медленно стали спускаться с горы и подходить под благословение остальные. Многие от страха крестились и терялись, не зная, как сложить для принятия благословения руки, обыкновенно складывали на грудь, как будто стыдясь показать свои мозолистые ладони... Всем были розданы крестики и иконки Святителя Иннокентия с его житием и преподано Владыкой краткое наставление о воздержании от порока пьянства и хранении между собою мира. Школы в Наумовой, за бедностью населения, нет; в ближайшей Коченгской школе учить детей, с платою за квартиру и содержание, не под силу. Дети остаются в большинстве неграмотными. Желая, однако,

дать им хоть самые элементарные сведения по чтению, письму и счислению, мужички негласно отдают своих ребятишек в научение политическим ссыльным, которые за ничтожное вознаграждение где-либо в избе учат Бог весть — как и Бог весть — чему... но все же учат... И мужичок доволен этой учебой: “Все же парнишка, — говорит он, — дома не балуется, а окромя того научится читать, писать и шить”... Школа здесь положительно необходима, с усиленным субсидированием от казны. Из Наумовой Владыка отправил в благословенные крестики в д. Лыхинскую и Солодковскую, которые мы проехали ночью, и Владыка не имел возможности видеть их насельников лично. Несомненно — сколько и это внесет духовной радости в жизнь обитателей этих глухих деревушек. <...> В Наумове обращает на себя внимание выговор населения. Оригинальное во всем строе своей жизни, население верховьев Илима оригинально и в этом. Здесь не говорят буквы “л”, а заменяют ее буквою “в”. И вот получается вместо, например, “лодка” — “водка», или “ложка” — “вожка” и т. д. Говорят так не потому, что не могут выговорить известной буквы, а просто в силу установившейся привычки, перенимая один от другого. Приезжие — вначале удивляются, а чрез некоторое время и сами начинают говорить так же, невольно подчиняясь общему “вба”, “воб” и под. Шляп и фуражек здесь почти нет. На головах крестьян сетки из конского волоса, отделанные кумачом: в сложенном виде они представляют род четырехугольной шапки, по краям украшенной разноцветными кусочками материи; когда сетка одевается на лицо, кумач сзади и спереди опускается вниз, покрывая затылок и грудь. Этот головной убор и покров служит по несколько лет, его носят и женщины и дети с весны до зимы. Мыть сетки не принято. Пропотевшие и пропылившиеся, они после долгого употребления представляют что-то невозможное...

По мере приближения к центру Илимского края Илим разворачивается

Илим. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

В тумане. Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

шире. Берега красивы: приподнятые сажени на две над рекой, они пестрят цветами; зеленый ковер травы тянется по всему берегу. Лес разнообразный: осина, ель, кустарники талины, листвен. Начинаясь на берегу, мелкий кустарник постепенно переходит в настоящий лес, поднимается по возвышающейся местности к горам и закрывает их своей зеленью.

<...> Утром рано 6-го июня проплыли село Шестаковское; в нем имеются соляные источники, и население, занимаясь солеварением, снабжает солью округу. Если когда-либо осуществится проект проведения ветки железной дороги "Тулун — Усть-Кут", село Шестаковское будет пересечено линией дороги, и здесь, с вероятностью можно предполагать, будет центральный пункт для всего Илимского края и низовьев Ангары. Шестаково разбросано по обеим сторонам Илима. С правой стороны оно кажется замкнутым двумя горами. Одна из них идет параллельно селу, отворачивая со середины направо и уходя вдаль от села; а вторая начинается сажень в 200–250 от берега куполообразной вершиной, окутанной в то утро туманом, и продолжается по направлению первой горы; недалеко они соединяются с третьей, образуя небольшую и неширокую долину. Это обыкновенные горные картины Илима» [26].

После Коченги течение Илима все более и более замедляется. Спокойно, неспешно плывем и мы. Царящую тишину нарушают лишь мерные всплески погружающихся в воду весел. Берега неторопливо движутся мимо нас. Опрокинутая в воду прибрежная зелень окрашивает реку тем же цветом. Наши «резинки» вполне вписываются в окружающий зеленый мир, ничем особо не выделяясь из него.

На этом участке Илим уже достаточно глубок и широк. При несильном течении и отсутствии ветра он застывает, словно озеро. Впереди тихо движущейся лодки ничто не мешает речным берегам зачарованно смотреться в воду. Но стоит скользнуть лодке, как легкая рябь нарушает водную поверхность, изображение на ней начинает волноваться, раскачиваться, дробиться... Лишь далеко за нами все опять приходит в равновесие и лес снова разглядывает себя в неподвижной глади Илима.

Километров за 50 до Шестаково течение реки совершенно останавливается. Начинается водохранилище Усть-Илимской ГЭС. Теперь нам приходится грести непрерывно, и только наступающий вечер приносит передышку в монотонной работе веслами.

На следующий день мы встаем рано. Мир неузнаваемо изменился: густой утренний туман накрыл тайгу и реку мягким ватным покрывалом. Туман настолько плотен, что берега, мимо которых мы движемся, едва различимы в этой пелене. Мы то плывем, то останавливаемся, разглядывая неясные картины вокруг. Полускрытые в тумане, наши лодки скользят, как безмолвные призраки. Движемся от топляка к топляку, которые торчат со дна водохранилища. Они, словно вешки в заснеженной степи, отмечают наш путь. Некоторые из топляков напоминают ящеров, вынырнувших из воды и провожающих нас плотоядными взглядами...

К полудню туман начинает рассеиваться, показывается голубеющее небо. Предстоит ясный, погожий день.

Не доплыв несколько километров до поселка Шестаково, в котором железная дорога пересекает Илим, слышим шум идущего по берегу поезда.

Затем обнаруживается и железнодорожная остановка, где мы высаживаемся и дожидаемся электрички, идущей до Братска. Илим и все события, происходившие на его берегах, остаются лишь в нашей памяти...

Подводя итог изложенному в статье, следует отметить, что фамилия Лыхин звучала на Илеме фактически весь период заселения Илимского края, хотя пребывание Лыхиных на берегах этой реки было явно эпизодическим. Однако время не останавливает свой бег в наши дни, и ничто не мешает думать, что история Лыхиных на Илеме может иметь продолжение в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 241 об.–242.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 155. Л. 61; Д. 453. Л. 58.
3. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 234 а. Л. 21.
4. Ионин А.А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутск, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). Иркутск, 1895. С. 157–159.
5. ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 78. Л. 201.
6. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1227. Л. 125–125 об.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1309. Л. 22.
8. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 106. Л. 2 об.
9. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Вып. 17. С. 227.
10. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 105. Л. 30–34.
11. Там же. Л. 90–90 об.
12. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 78. Л. 28–28 об.
13. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 87. Л. 57.
14. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14396. Л. 41 об.–44 об.; Гор. Илимск // Сибирь. 1909. 4 янв.
15. Странник. По Сибири от Братска до Иркутска Ангарою // Земля Иркутская. 2007. № 2 (33). С. 34–35, 39.
16. Попов Василий, священник. Поездка преосвященнейшего Макария, епископа Киренского, на Илим и Верхнюю Тунгуску // ИЕВ. 1886. 5 апр. Прибавления, с. 169–171.
17. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 14396. Л. 47.
18. Архив УФСБ России по Иркутской области. Архивно-уголовное дело (АУД) 12675. Т. 5. Л. 297.
19. Пономарёв Н.А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. С. 19.
20. Странник. По Сибири от Братска... С. 33–34.
21. Пономарёв Н.А. Поездка Преосвященного... С. 20–22.
22. Там же. С. 22–23.
23. Там же. С. 23–26.
24. Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. С. 120.
25. Пономарёв Н.А. Поездка Преосвященного... С. 27–29.
26. Там же. С. 29–31, 33.